

Ключевые слова: судебные дела, ЦДИАК, фонды, исторический источник, национальное движение.

* * *

УДК271.2–764

Бирюкова К. В.

кандидат исторических наук, доцент, кафедра социальной философии, религиоведения и теологии, Российский государственный социальный университет (Россия, Москва), kristina_biryuko@mail.ru

РОССИЙСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ В КОРЕЕ: К ВОПРОСУ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена историографии Российской Духовной Миссии в Корее. Она имеет целью рассмотреть исследования, посвященные Российской Духовной Миссии в Корее в их историческом развитии и выявить их закономерности и тенденции. Автор использует методы ретроспекции и анализа. Освещение деятельности Российской Духовной Миссии в Корее началось с первых лет её существования, во многом усилиями самих миссионеров. Сотрудники миссии вели дневниковые записи, переписку, формировали архив миссии – эти источники личного происхождения являются очень ценными. Миссионеры же были первыми исследователями языка, географии, быта, культуры и религиозных воззрений Кореи. Их наблюдения отражены в этих источниках. Современный этап исследования истории Российской Духовной Миссии в Корее в России начинается с 1990-х годов.

Ключевые слова: Корея, миссия, миссионерство, миссионерская деятельность, Российская Духовная миссия в Корее, Российско–корейские связи.

(статья друкється мовою оригіналу)

Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в Корее официально начинается с прибытием в Сеул иеромонаха Хрисанфа (Щетковского) с помощником Ионой Левченко. 17 февраля 1900 г. была отслужена первая литургия, освящена церковь в честь свт. Николая Чудотворца [25]. Этот день и принято считать днем основания Русской православной миссии в Корее.

Первыми, важнейшими и интереснейшими источниками по истории Русской Духовной Миссии в Корее являются письма и путевые заметки епископа Хрисанфа (Щетковского) [21; 22]. Владыка объясняет, что “Желание возможно ближе познакомиться с корейцами, их нравами и обычаями для целей чисто миссионерских побудило меня предпринять путешествие по Корее сухопутьем – от Сеула, столицы корейского царства, до Владивостока” [21, с. 6]. Маршрут был впечатляющий: “Расстояние. Которое нужно было пройти по намеченному мною маршруту, исчислялось приблизительно в 1 500 верст, или 3000 корейских ли (корейское ли = ½ версты). Маршрут мой был таков: из Сеула я должен был отправиться на северо–восток в Кымгансан, или Алмазные горы, а затем, выйдя на берег Японского моря, я должен был идти по густонаселенной береговой полосе – через Гензан, Хамхын, Пунчон, Сонджин, Кёнсон, Кёнхын в Приморскую область” [6].

В своих путевых заметках он приводит интереснейшие сведения о жизни и быте корейцев, их религиозном и духовно–нравственном состоянии. Конечно, особое внимание о. Хрисанф уделяет вопросу распространения в Корее христианской веры, и часто упоминает об иностранных миссионерах и рассказывает о реакции местных жителей на свою проповедь [21, с. 23]. Например, в одной из деревень “Хозяин постоялого двора оказался католиком. В толпе, по обыкновению со всех сторон окружавшей нас, были еще католики и протестанты. Завели мы с ними беседу на религиозную тему, вкратце изложили содержание православной веры, указав им и

на существенные отличия православия от католичества и протестантства. Некоторые, видимо, заинтересовались нашей беседой и просили у нас каких–либо книг, но мы могли им дать списать только “Символ веры”, “Начальные молитвы” и “Заповеди Закона Божия”, приглашая их для более основательного знакомства с православной верой и ее богослужением приехать в Сеул” [21, с. 23].

Ознакомившись с монашеской жизнью в монастырях Кымгансана, миссионеры и здесь пробуют говорить о православии. Монахи воспринимали это по–разному. Например, в монастыре Пхохунса “когда же мы заговорили с ними о своих миссионерских делах, то нас не стали слушать и столь грубо обошлись с нами, что мы сочли за лучшее на время замолчать” [21, с. 54]. В монастыре Чонянса “мы встретили самый радушный прием; правда, неохотно и здесь слушали нашу проповедь о Христовой вере, но не возражали, и не делали никаких протестов и тем более каких–либо грубостей; нам они говорили, что для них и их вера хороша, что они еще не доросли до европейцев, а когда это совершится, то, наверное, все корейцы примут христианство. К нам приходят много христианских миссионеров всяких наций, но мы что–то плохо понимаем их рассказы о жизни и учении Христа: видимо время еще не настало...” [21, с. 56].

Большое значение имеют научные исследования архимандрита Феодосия (Перевалова) [19; 20] и архимандрита Павла (Ивановского) [12; 13], которые, каждый в своё время, побывали в должности Начальника Миссии.

Важнейшим официальным источником по истории миссионерского служения, в том числе и в Корее, являются “Всеподданнейшие отчёты обер–прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания” [5; 6; 7]. В них отражены основные направления деятельности миссий, статистические данные о штатном составе миссий, числе православных, количестве крещений, землях и постройках, духовном состоянии пасты и финансовом положении миссий.

Любопытным источником представляется работа Ф. Прохоренко “Русская духовная миссия в Японии и в Корее” [15]. Это медальное сочинение студента Императорского Харьковского Университета, посвященное Иосифу Александровичу Бродовичу. Автор приводит ценные подробности миссионерского служения, рассказывает о процессе перевода на корейский язык необходимых текстов, особенностях быта, культуры, воспитания в Корее.

Отдельно отметим исследование М. В. Шкаровского “Русская Православная Духовная Миссия в Корее” [24]. Автор подробно рассматривает деятельность миссии от начала до наших дней, уделяет особое внимание советскому периоду, который является одним из самых сложных и малоизученных этапов в истории Сеульской миссии. Особую ценность работе придаёт широчайшая источниковая база, включающая как современные работы, так и архивные материалы.

Распространению православие среди корейцев, проживающих на территории Забайкалья и Приамурья посвящена одна из статей архимандрита Августина (Никитина) [1]. Хронологические рамки исследования: с 1864 г., когда начинается переселение корейцев на дальневосточные земли России, в Уссурийский край, по

настоящее время. Автор уделяет особое внимание устроению миссионерами школ для детей корейцев, проследивает миссионерские труды первого священника в этих местах – Иоанна Гомзякова, упоминает архипастырский визит в с. Благоденное, где жило несколько десятков крещёных корейцев, Преосвященного Вениамина, епископа Иркутского. По мнению автора, “В 1872 г. почти все взрослые переселенцы, желавшие стать христианами, были присоединены к Русской Православной Церкви. Впоследствии, посещая с. Благоденное, о. Иоанн крестил только младенцев, “которых сами язычники–родители считали долгом крестить”” [1, с. 151–152].

Во второй части статьи исследуется распространение православия среди корейцев, проживающих в Забайкалье и Восточной Сибири, где действовала Забайкальская духовная миссия, начиная с 1900–х гг. по настоящее время. Важным источником сведений для автора стали “Иркутские епархиальные ведомости”. Автор обращает внимание на издание силами миссионеров журнала “Православие” на корейском языке (выходил с 1911 г.), считая, что он способствовал формированию духовной общности корейцев, живших на бескрайних просторах Российской империи” [1, с. 168].

Исторический очерк А. И. Петрова [14] носит во многом общий характер, с акцентом на начало миссионерской деятельности в Корее и роль школ миссии в повышении общего образовательного уровня и христианизации корейцев. По мнению автора, “миссия видела свою главную задачу в том, чтобы дать простым корейцам возможность как можно яснее и глубже понять православие, в том числе и на их родном языке. Это был также один из путей для корейцев лучше понять русских людей, их культуру и Россию в целом” [14, с. 79].

Церковные школы для корейцев исследует и Г. Ким [9]. Ценность его труда в использовании широкой источниковой базы, в основном это современные деятельности миссии статьи 19–начала 20 в.

С. О. Курбанов [11] в своём труде проследивает основные этапы истории Российской Духовной миссии в Корее от начала её существования до 1917 г. Автор обращает внимание и на вопрос историографии. Наиболее полным, на его взгляд, является исследование архимандрита Феодосия (Первалова) “Российская Духовная Миссия в Корее за первое 25–летие ее существования (1900–1925), опубликованная в Харбине в 1926 г. Свидетельством этого, по его мнению, является и то, что немногочисленные южнокорейские издания об истории миссии практически полностью цитируют содержание указанной книги [11, с. 23]. В статье приводится любопытный факт: “Еще в 1991 г. наш соотечественник, проживающий в США, защитил в Сеульском университете “Ёнсэи” диссертацию по теме “Опыт Русской Православной Церкви среди корейцев”, в которой отдельная глава посвящена истории Российской Духовной Миссии, но лишь до 1914 г. В ней представлен полнейший список работ, вышедших в дореволюционной России, в которых затрагивается история Миссии в Сеуле” [11, с. 23].

Православию в Корее посвящены несколько статей Т. М. Симбирцевой. Её работа “Проблемы изучения и некоторые особенности современной православной церкви в Корее” [18] носит отчасти историографиче-

ский характер. Вместе с этим автор пытается осмыслить исторический опыт и современное положение Русской Православной Церкви в Корее. “Изучение православия в Корее началось в нашей стране в 1991 г. с публикации в “Журнале Московской Патриархии”, посвященной 90–летию со дня основания этой церкви [18, с. 268]. Продолжили тему Санкт–петербургский госуниверситет [18, с. 268] и Международный центр корееведения МГУ [18, с. 268]. По утверждению автора “История православия в Корее остаётся почти неизвестной на западе, хотя там существует постоянный интерес к этой теме. Свидетельством этого стал изданный в 1999 г. в университете г. Дарэма (Англия) обширный словарь корейской истории и культуры. В нём статья “Русская духовная миссия” [18, с. 269], судя по сноскам, основывается, главным образом, на строго документальной книге о. Феодосия “Российская духовная миссия в Корее за первое 25–летие её существования”, но, тем не менее, представляет её историю более чем схематично. В частности, указывается, что миссия была создана специально для крещённых в Восточной Сибири и Маньчжурии корейцев, возвратившихся на родину после японо–китайской войны (на самом деле она была создана для проживавших в Корее 150 русских – дипломатов, членов их семей, военных); что она перешла под контроль Православной Церкви в Японии после ординации в Токио в 1912 г. первого корейского священника о. Иоанна (Кан Тхака). Отмечается, что русские миссионеры пребывали в Сеуле до 1947 г. (в реальности – до 1949 г.), и что в 1929–1939 гг. небольшая православная община существовала в Пхеньяне (по сведениям В. Ю. Янковского, в то время в северной части Кореи существовали приходы в Пхеньяне, Вонсане и в поместье Янковских Новина в провинции Сев. Хамгён). Такими сведениями о православии в Корее, которыми располагают на Западе” [18, с. 269] – утверждает автор.

Другая статья Т. М. Симбирцевой посвящена 100–летию православия в Корее [16]. Автор пытается проследить всю историю православия в Корее, и предлагает свою периодизацию. Она замечает, что “в современной русской литературе, посвященной православию в Корее, его история обычно разделяется на два этапа: “русский” (1900–1949) и “греческий” (1955 – по сей день). При этом за основу деления берётся административная принадлежность корейской православной церкви, которая до 1949 г. подчинялась Московскому патриархату, а с конца 1955 перешла под юрисдикцию Вселенского патриарха. Следует отметить, что такая периодизация не учитывает имевший важное значение для существования православия в Корее переходный период, наступивший фактически сразу после освобождения Кореи в августе 1945 г. и продолжавшийся до 1955 г., и не совпадает с мнением корейских православных, которые уже давно не считают свою веру “иностранной”, а воспринимают её как свою, корейскую” [16, с. 43–44]. Автор предлагает: “Если рассматривать историю православия в Корее как единый закономерный процесс, то её можно разделить на три этапа: возникновение и становление (1900–1912), сохранение (1912–1955) и развитие (с 1956 г.) [16, с. 44]. В статье приводятся ценные сведения о православии в современной Корее.

Отдельная работа Т. М. Симбирцевой посвящена архимандриту Хрисанфу (Щетковскому) [17]. Статья цен-

на сведениями о современных православных корейцах, основанными на личных наблюдениях автора.

Большой интерес представляет монография корейца ЧоЧоХвана “Русская православная миссия в Корее” [26], представляющая результаты его исследования на соискание учёной степени кандидата исторических наук [27]. Автор расценивает опыт православной миссии в Корее как неудачный, недостаточно эффективный, и обращает внимание на целый комплекс проблем в её работе. По его мнению “Корейцы воспринимали новую религию не столько как веру, сколько как формальность, разрешающую им стать российскими подданными” [26, с. 48].

Исследователь отмечает ряд проблем в деятельности миссии: “хотя большинство корейцев и были крещены, миссионеры не уделяли им необходимого внимания” [26, с. 30]. Другим злободневным вопросом было ограничение общения между постоянно проживающими в России корейцами и теми, кто приехал на временную работу, а с ними приехало множество шаманов и буддистских монахов, которые активно пропагандировали свою веру и собирали пожертвования. Несколько раз отчеты корейских миссий включали в себя предложение отказать этим людям во въезде в Россию [26, с. 31]. “Корейцы внешне принимая православие, оставались замкнутыми, и со всеми важными вопросами шли не к священнику, к местному шаману, особенно в случае болезни или семейных проблем. Изначально браки не заключались с помощью священника по двум причинам. Одной из них было то, что корейцы старались поженить своих детей в раннем возрасте, чего, разумеется, не разрешала церковь. Другой было то, что часто корейцы вообще не вступали в брак и имели связи на стороне. Новорожденные младенцы не были крещены, потому что по традиции ребенка не могут видеть первые 21 день, чтобы предотвратить его заражение” [26, с. 31]. “Деревни, даже совсем маленькие, простирались на несколько километров, иногда даже на 6–7 верст, и дома стояли на расстоянии в “четверть версты” друг от друга. Другими словами, миссионеру было физически невозможно посетить всех крестьян в деревне, и по этой же причине крестьянам было сложно посещать церковь” [26, с. 32].

Автор считает, что корейцы могли относиться в православной вере как к одному из факторов “русскости”. Крещение воспринималось как элемент “обрусения”, вхождения в культурное, экономическое, институциональное русское пространство. “Разумеется, нельзя полностью отрицать институциональный фактор. Корейцы принимали православие как один из атрибутов этого политического и экономического учреждения. Неверное понимание этого могло привести и к полному непониманию значения Православия. Это становится более вероятным, если учесть, что в Корее традиционные религии не были взаимоисключающими: шаманизм существовал наравне с буддизмом и конфуцианством. Итак, если кореец принимал православное крещение, то он мог относиться к этому как к простому действию, которого требовал русский устав поведения. В этом случае крещение оправдывалось учреждением, причем оно приобретало не религиозный, а политический характер. Отсюда следуют вывод, что русская православная церковь начала действовать среди корейцев не как учреж-

дение, а как деятельность нескольких харизматических лидеров, которые во время сильного кризиса для корейцев смогли убедить их принять новую веру, и для этого пользовались личной харизмой и живо интересовались их проблемами” [26, с. 47–48]. “Корейцы воспринимали новую религию не столько как веру, сколько как формальность, разрешающую им стать российскими подданными” [26, с. 48].

Краткий обзор истории Российской Духовной Миссии в Корее представляет собой работа священника Дионисия (Поздняева) “К истории Российской Духовной Миссии в Корее” [8]. Хронологические рамки работы: от начала деятельности миссии до высылки из Кореи Начальника Миссии о. Поликарпа (Приймака) в 1949 г.

Общий характер имеет работа архимандрита Августина (Никитина) “Русская православная миссия в Корее”, изданная в сборнике “Православие на Дальнем Востоке: 275–летие Российской духовной миссии в Китае” [2] и в журнале “Православная община” [3]. Автор рассматривает жизнь первых корейских христиан-католиков, упоминает гонения на христиан со стороны корейских властей, подробно останавливается на начальном этапе деятельности российской православной миссии в Корее, приводит интересные сведения о православии в современной Корее. Такие же обобщающие и статьи Ю. Кищука [10], С. Царёвой [23], представляющие собой краткий обзор основных этапов истории Сеульской миссии. Представляет интерес исследование Г. Бесстремянной [4], поскольку сведения автора о современной жизни православной церкви в Корее исходят из личных наблюдений и общения с православными корейцами.

Появление множества современных исследований свидетельствует об интересе к корейскому православию, в истории которого остаётся немало пробелов и неоткрытых страниц.

Список использованных источников

1. Августин (Никитин), архимандрит. Православие у корейцев Забайкалья и Приамурья // В кн.: История Российской Духовной Миссии в Корее. – М., 1999. – С. 150–170.
2. Августин (Никитин), архимандрит. Русская Православная миссия в Корее // В кн.: Православие на Дальнем Востоке: 275–летие Российской Духовной Миссии в Китае. – СПб., 1993. – С. 133–147.
3. Августин (Никитин), архимандрит. Русская Православная миссия в Корее // Православная община. – 1996. – № 35 (5). – С. 34–52.
4. Бесстремянная Галина. “Только когда учение принимается всем сердцем, люди никогда не уйдут из православного храма”. Режим доступа: <http://old.pravostok.ru/ru/journal/mission/index.php?id=904>
5. Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1896 и 1897 гг. – СПб., 1899.
6. Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1900 г. – СПб., 1903.
7. Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1908–1909 гг. – СПб., 1911.
8. Дионисий Поздняев, священник. К истории Российской Духовной Миссии в Корее (1917–1949). – Режим доступа: <http://russianseoul.narod.ru/lib/mission/8.html>
9. Ким Герман. Православное миссионерство и церковные школы для корейцев русского Дальнего Востока. – Режим доступа: <http://world.lib.ru/k/kim-o-i/p3rtf.shtml>
10. Кишук Ю. Православие в “Стране Утренней Свежести”. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/put/print3212.htm>
11. Курбанов С. О. Русская Православная Церковь и Корея

// В кн.: Кунсткамера. Этнографические тетради. – Спб., 1997. – Вып. 11. – С. 21–34.

12. Павел (Ивановский), архимандрит. Корейцы–христиане. – М., 1905.

13. Павел (Ивановский), иеромонах. Краткий очерк развития миссионерского дела среди корейцев Южно–Уссурийского края // В кн.: История Российской Духовной Миссии в Корее. – М., 1999. – С. 115–149.

14. Петров А. И. Школа культуры и нравственности. Русская Православная миссия в Корее: 1897–1917. Краткий исторический очерк // Россия и АТР. – 1995. – № 4. – С. 73–79.

15. Прохоренко Ф. Русская духовная миссия в Японии и Корее. – Харьков, 1906.

16. Симбирцева Т. М. К 100–летию православия в Корее // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 5. – С. 42–56.

17. Симбирцева Т. М. Патриарх православной церкви в Корее архимандрит Хрисанф (1869–1906): его дела и время // В кн.: Христианство на Дальнем Востоке. Материалы международной конференции 19–21 апреля 2000 г. – Ч. I. – С. 160–164.

18. Симбирцева Т. М. Проблемы изучения и некоторые особенности современной православной церкви в Корее // В кн.: Проблемы истории, филологии, культуры: межвузовский сборник. – Москва–Новосибирск–Магнитогорск, 2001. – Вып. 11. – С. 268–275.

19. Феодосий (Передалов), архимандрит. Российская духовная миссия в Корее: за первое 25–летие её существования (1900–1925). Краткий исторический очерк с приложением статистических данных о вероисповедании корейцев. – Харбин, типография священника Н. Кикловича, 1926.

20. Феодосий (Передалов), архимандрит. Российская Духовная Миссия в Корее (1900–1925 гг.) // В кн.: История Российской Духовной миссии в Корее. – М., 1999. – С. 171–317.

21. Хрисанф (Щетковский), епископ. От Сеула до Владивостока (путевые записки миссионера) // В кн.: История Русской Духовной Миссии в Корее. – М., 1999. – С. 6–114.

22. Хрисанф (Щетковский), епископ. Из писем корейского миссионера. – Казань, 1904.

23. Царёва С. Православие в Южной Корее. – Режим доступа : <http://ricolor.org/rz/korea/mp/sk>

24. Шкаровский М. В. Русская Православная Духовная Миссия в Корее // “Клио”. – 2010. – № 2 (49). – С. 140–152.

25. Шкаровский М. В. Русская Православная Миссия в Корее. www.Pravostok.Ru

26. ЧоЧоХван. Русская православная миссия в Корее. – М., 1997.

27. ЧоЧоХван. Русская Православная миссия в Корее : автореф. дис. ... канд. ист. наук : (07.00.02). – М., 1997.

References

1. Avgustin (Nikitin), arhimandrit. Pravoslavie u koreytssev Zabaykaliya i Priamuriya // V knige: Istoriya Rossiyskoy Duhovnoy Missii v Koree. – М., 1999. – С. 150–170.

2. Avgustin (Nikitin), arhimandrit. Russkaya Pravoslavnaya Missiya v Koree // V knige: Pravoslaviye na Dalnem Vostoke: 275–letniye Rossiyskoy Duhovnoy Missii v Kitae. – SPb., 1993. – С. 133–147.

3. Avgustin (Nikitin), arhimandrit. Russkaya Pravoslavnaya Missiya v Koree // Pravoslavnaya obshina. – 1996. – № 35 (5). – С. 34–52.

4. Besstremyannaya Galina. “Tolko kogda uchenie prinimaetsa vsem serdtsem, ludi nikogda ne uyduz iz pravoslavnogo hrama”. – Rezim dostupa : <http://old.pravostok.ru/ru/journal/mission/index.php?id=904>

5. Vsepoddanneyshiy otchet ober–prokurora Svyateyshego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1896 i 1897 gg. – SPb., 1899.

6. Vsepoddanneyshiy otchet ober–prokurora Svyateyshego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1900 g. – SPb., 1903.

7. Vsepoddanneyshiy otchet ober–prokurora Svyateyshego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1908–1909 g. – SPb., 1911.

8. Dionisiiy Pozdnyayev, svyashennik. K istorii Rossiyskoy Duhovnoy Missii v Koree (1917–1949). – Rezim dostupa : <http://russianseoul.narod.ru/lib/mission/8.html>

9. Kim German. Pravoslavnoe missionerstvo I tserkovniye shkoli dlya koreytssev russkogo Dalnego Vostoka. – Rezim dostupa : <http://world.lib.ru/k/kim-o-i/p3rtf.shtml>

10. Kischuk Yu. Pravoslaviye v “Strane Utrenney Svezesti”. –

Rezim dostupa : <http://www.pravoslavie.ru/put/print3212.htm>

11. Kurbanov S. O. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov i Koreya // V knige: Kunсткамера. Etnograficheskiye tetradi. – SPb., 1997. – Vip. 11. – С. 21–34.

12. Pavel (Ivanovskiy), arhimandrit. Koreytsi–hristiane. – М., 1905.

13. Pavel (Ivanovskiy), ieromonah. Kratkiy ocherk razvitiya missionerskogo dela sredi koreytssev Yuzno–Ussuriyskogo kraya // V knige: Istoriya Rossiyskoy Duhovnoy Missii v Koree. – М., 1999. – С. 115–149.

14. Petrov A. I. Shkola kulturni i nravstvennosti. Russkaya Pravoslavnaya Missiya v Koree: 1897–1917. Kratkiy istoricheskiy ocherk // Rossiya i ATR. – 1995. – № 4. – С. 73–79.

15. Prohorenko F. Russkaya duhovnaya missiya v Yaponii i Koree. – Harkov, 1906.

16. Simbirtseva T. M. K 100–letiyu pravoslaviya v Koree // Etnograficheskoye obozreniye. – 2000. – № 5. – С. 42–56.

17. Simbirtseva T. M. Patriarh Pravoslavnoy Tserkvi v Koree arhimandrit Hrisanf (1869–1906): ego dela i vremya // V knige: Hristianstvo na Dalnem Vostoke. Materiali mezhdunarodnoy konferentsii 19–21 aprelya 2000 g. – Ch. I. – С. 160–164.

18. Simbirtseva T. M. Problemi izucheniya I nekotoriye osobennosti sovremennoy pravoslavnoy tserkvi v Koree // V knige: Problemi istorii, filologii, kulturni: mezvuzovskiy sbornik. – Moskva–Novosibirsk–Magnitogorsk. – 2001. – Vip. 11. – С. 268–275.

19. Feodosiy (Perevalov), arhimandrit. Rossiyskaya duhovnaya missiya v Koree za pervoye 25–letniye ee suschestvovaniya (1900–1925). Kratkiy istoricheskiy ocherk s prilozheniem statisticheskikh dannih veroispovedanii koreytssev. – Harbin, tipografiya svyashchennika N. Kiklovicha, 1926.

20. Feodosiy (Perevalov), arhimandrit. Rossiyskaya duhovnaya missiya v Koree (1900–191925 gg.) // V knige: Istoriya Rossiyskoy Duhovnoy Missii v Koree. – М., 1999. – С. 171–317.

21. Hrisanf (Hshetkovskiy), episkop. Ot Seula do Vladivostoka (puteviy zapiski missionera) // V knige: Istoriya Rossiyskoy Duhovnoy Missii v Koree. – М., 1999. – С. 6–114.

22. Hrisanf (Hshetkovskiy), episkop. Iz pisem koreyskogo missionera. – Kazan, 1904.

23. Tsareva S. Pravoslaviye v Yuznoy Koree. – Rezim dostupa : <http://ricolor.org/rz/korea/mp/sk>

24. Shkarovskiy M. V. Russkaya Pravoslavnaya Duhovnaya Missiya v Koree // “Klio”. – 2010. – № 2(49). – С. 140–152.

25. Shkarovskiy M. V. Russkaya Pravoslavnaya Missiya v Koree. – Rezim dostupa : www.Pravostok.Ru

26. Cho Cho Hvan. Russkaya Pravoslavnaya Missiya v Koree. – М., 1997.

27. Cho Cho Hvan. Russkaya Pravoslavnaya Missiya v Koree : avtoref. diss. ... kand. ist. nauk : (07.00.02). – М., 1997.

Biryukova K. V., candidate of historical sciences, associate professor, chair of Social philosophy, religious studies and theology of the Russian state social university (Russia, Moscow), kristina_biryuko@mail.ru

Russian Orthodox Mission in Korea: to a historiography question

Article is devoted to a historiography of the Russian Spiritual Mission in Korea. It aims to consider the researches devoted to the Russian Spiritual Mission in Korea in their historical development and to reveal their regularities and a tendency. The author uses retrospektion and analysis methods. Publicizing of activity of the Russian Spiritual Mission in Korea began from first years of its existence, in many respects efforts of missionaries. Employees of mission conducted diary records, correspondence, formed mission archive – these sources of a personal origin are very valuable. Missionaries were the first researchers of language, geography, a life, culture and religious views of Korea. Their supervision are reflected in these sources. The present stage of research of history of the Russian Spiritual Mission in Korea in Russia begins from 1990th years.

Keywords: Korea, mission, missionary work, missionary activity, Russian Spiritual mission in Korea, Russian–Korean communications.

Бірюкова Х. В., кандидат історичних наук, доцент, кафедра Соціальної філософії, релігієзнавства і теології, Російський державний соціальний університет (Росія, Москва), kristina_biryuko@mail.ru

Російська Православна Місія в Корей: до питання історіографії

Стаття присвячена історіографії Російської Духовної Місії в Корей. Вона має на меті розглянути дослідження, присвячені Російській Духовній Місії в Корей в їх історичному розвитку і виявити їх закономірності та тенденції. Автор використовує методи ретроспекції та аналізу. Висвітлення діяльності Російської Духовної Місії в Корей почалося з перших років її існування, багато в чому зусиллями самих місіонерів. Співробітники місії вели щоденникові записи, листування, формували архів місії – ці джерела особового походження є дуже цінними. Місіонери ж були першими дослідниками мови, географії, побуту, культури і релігійних поглядів Корей. Їх спостереження відображені в цих дже-

релах. Сучасний етап дослідження історії Російської Духовної Місії в Кореї в Росії починається з 1990-х років.

Ключові слова: Корея, місія, місіонерство, місіонерська діяльність, Російська Духовна місія в Кореї, Російсько-корейські зв'язки.

* * *

УДК 930.1+930.22

Довган Ю. Л.

кандидат історичних наук, доцент кафедри історіографії і джерелознавства, Прикарпатський національний університет ім. Василя Стефаника (Україна, Івано-Франківськ), gen.dovgan@gmail.com

ДОСЛІДЖЕННЯ УКРАЇНСЬКОГО ПИТАННЯ НА ПАРИЗЬКІЙ МИРНІЙ КОНФЕРЕНЦІЇ В УКРАЇНСЬКІЙ ІСТОРИОГРАФІЇ

Стверджується, що, незважаючи на те, що "українське питання" на Паризькій мирній конференції знайшло відображення у значній кількості історіографічних джерел, це й до цього часу відповідний фактичний матеріал часто подається неточно, а оцінки тогочасних процесів залишаються суперечливими й упередженими, предметом дослідження виступає переважно зовнішня політика УНР та ЗУНР, а не політика держав Антанти щодо України. З'ясовано, що має місце певний суб'єктивізм при аналізі "українського питання" на мирній конференції, що поклато відбиток на оцінки політики західних держав як "антиукраїнської". Обґрунтовано тезу, що до цього часу в історіографії відсутній комплексний аналіз роботи Паризької мирної конференції та проблем, що на ній розглядалися.

Ключові слова: історіографія, зовнішня політика, "українське питання", Україна, Паризька мирна конференція.

Актуальність теми дослідження визначається об'єктивною необхідністю узагальнити роботу істориків щодо осмислення досвіду національного державного будівництва взагалі, міжнародних відносин України в період Української революції 1917–1921 рр. зокрема. Оскільки політика держав Антанти справила суттєвий вплив на долю української національної державності, без її вивчення неможливо реконструювати й осмислити історію державності України початку ХХ століття. Досліджувана проблема та тема української державності 1917–1920 рр. загалом тривалий час не могли знайти об'єктивного висвітлення саме через значний вплив особистих ідейно-політичних переконань авторів чи пануючу в державі ідеологічну доктрину. Вивчення цього питання важливе і для підбиття підсумків осмислення історичною наукою політики держав Антанти та США щодо української державності в роки Української революції 1917–1920 рр., місця України в тогочасній системі міжнародних відносин, облаштуванні нових держав в Центрально-Східній Європі.

Особлива увага дослідників до аналізу позиції держав-переможниць щодо української державності, що виявилася на Паризькій мирній конференції (січень 1919 – січень 1920 рр.) пояснюється значущістю її рішень для повоєнного світовлаштування та долі української державності зокрема. Становище представників України (УНР та ЗУНР) на Паризькій мирній конференції до цього часу не знайшло однозначного визначення в науковій та навчальній літературі. В ній йдеться про "делегацію" (С. Варгатюк, М. Держалюк, О. Кучик, ін.) або "місію" (В. Матвєєнко, О. Павлюк, Н. Городня, В. Лозовий) УНР на Паризькій мирній конференції.

Як свідчить дослідження Н. Городньої, хоча Надзвичайна дипломатична місія УНР до Парижу розглядалася Радою Міністрів одночасно в якості делегації на Мир-

ний Всесвітній конгрес, вона не отримала на конференції офіційного визнання, а отже і статусу делегації. В конференції брали участь тільки держави, які оголосили війну або порвали відносини з Німеччиною та її союзниками. Українська місія входила до групи держав, що не вважалися ворожими до країн Антанти, але не були визнані ними. За інформацією українського представника на конференції М. Лозинського, їх зносили з мирною конференцією зводилися до того, що вони послали ноти, меморандуми тощо, на що діставали з секретаріату повідомлення, що нота одержана і буде представлена на розгляд. Крім того, представники цих делегацій проводили зустрічі й наради з різними членами делегацій держав Антанти [6, с. 105–106].

Натомість визначення місця представників УНР та ЗУНР на Паризькій мирній конференції як "делегації" [36, с. 23–24] створює враження про її рівноправне становище з делегаціями країн-переможниць. Аналіз ставлення держав Антанти до української державності, що виявився під час роботи Паризької мирної конференції, знайшов відображення як в дослідженнях і мемуарах учасників конференції й тогочасних керівників УНР та ЗУНР (В. Винниченка, І. Мазепи, А. Марголіна, В. Панейка, Є. Левицького, М. Лозинського) [Див.: 2; 23; 30; 22; 40; 41], так і в роботах істориків наступних поколінь: в еміграції (М. Стахіва, І. Боршака, Д. Решетара) [Див.: 36; 39; 42], в Радянському Союзі (Б. Штейна, А. Скаби, Р. Симоненка, І. Хмілья) [Див.: 34; 38; 33; 37], в Україні після здобуття нею незалежності (О. Павлюка, М. Литвина, Н. Городньої, О. Кучика, В. Шамраєвої, М. Держалюка, В. Соловйова) [Див.: 29; 19; 5; 17; 8; 35]. Хоча слід відзначити, що це питання вивчалось дослідниками здебільшого побіжно або в рамках більш масштабних проектів. Крім того, в багатьох працях предметом дослідження виступає не політика держав Антанти, а зовнішня політика УНР та ЗУНР.

Дослідники відзначають, що "українське питання" як самостійне мирною конференцією ніколи не розглядалося. Натомість значну увагу було приділено вирішенню долі окремих українських територій – Закарпаття, Буковини й особливо Східної Галичини (що входили до складу Австро-Угорщини), що було пов'язано із зусиллями мирної конференції визначитися щодо повоєнних кордонів Чехословаччини, Румунії та Польщі. В "14 пунктах" В. Вільсона народам Австро-Угорщини було обіцяно гарантоване місце в Лізі Націй і "найширшу можливість автономного розвитку" (п. 10), у той час як відновлювана Польща повинна була включати в себе "усі території з безсумнівно польським населенням" (п. 13) [25, с. 451]. У зв'язку з цим в історіографії відзначається прагнення лідерів ЗУНР зберегти якомога більшу автономію для своєї держави, оскільки, на їхню думку, "східногалицьке питання" розглядалося Антантою і США як окрема міжнародна проблема й мало більше шансів на позитивне для ЗУНР розв'язання, ніж "загальноукраїнське".

Не погоджуємося з М. Держалюком, який вважає, що за рік роботи мирної конференції українські інтереси жодного разу не потрапляли в центр уваги та обговорення її учасників, приналежність українських земель до складу Росії, Польщі, Румунії, Чехії не